

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВОДНОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Алексей Викторович Михалев

*Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 7 июля 2019 <i>Принята к печати:</i> 12 сентября 2019</p>	<p>Аннотация: Данная статья посвящена анализу политических противоречий во Внутренней Азии, когда речь идет о доступе к водным ресурсам. В центре внимания – вопрос о распределении пресной воды в условиях формирования постсоветского политического порядка в регионе. В статье тестируется гипотеза о зависимости системы контроля над распределением водных ресурсов от существующего регионального порядка. Автор рассматривает проблему взаимоотношений между Россией, КНР и Монголией по поводу трансграничных рек, впадающих в озеро Байкал. Озеро Байкал сегодня является крупнейшим пресноводным озером в мире и находится под охраной ЮНЕСКО. Смена институциональных условий и их влияние на легитимизацию права на воду – главная идея, вокруг которой выстроена композиция представленного текста. В основе методологии исследования лежит неинституциональный подход, при помощи которого анализируется региональный политический порядок. Эмпирическая база работы состоит из нормативно-правовых актов, регулирующих распределение трансграничных вод, высказываний политических деятелей (России и Монголии), сведений государственных статистических агентств, данных экологического мониторинга, материалов региональных масс-медиа. Основной вывод исследования состоит в том, что происходящие в современной Внутренней Азии политические изменения в обозримом будущем приведут к возникновению нового регионального политического порядка. Идеи, ценности, а также инфраструктурные макропроекты меняют как расстановку сил в регионе, так и уровень потребления природных ресурсов. Возникающие в этой связи экологические проблемы политизируются, что в итоге приводит к односторонним решениям без учета интересов всех региональных акторов.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31130 «Российский фронт Внутренней Азии: старые границы, новые противоречия» возможность трансформации АСЕАН в «нормативную силу».</i></p>
<p>Об авторе: д.полит.н., доцент, кафедра теории и истории права и государства, БГУ e-mail: mihalew80@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: водные конфликты; Внутренняя Азия; институты; политический порядок; границы; власть; региональный порядок</p>	

Бурный экономический рост в странах азиатского региона в конце XX – начале XXI века сформировал масштабный спрос на природные ресурсы. По мере развития крупных региональных инфраструктурных проектов появилась острая потребность в воде¹. Это результат спроса на неё как на источник энергии и в то же время результат

¹ Demand in the Desert: Mongolia's Water-Energy-Mining Nexus. NY: Asian Development Bank, 2014.

общего дефицита чистой пресной питьевой воды. Водные системы во Внутренней Азии располагаются на территории нескольких государств (Монголии и России), поэтому при нарушении баланса в использовании воды возникают политические противоречия, способные перерасти в гидроконфликты. Конфликты из-за доступа к пресной воде стали распространенным явлением и, на наш взгляд, они связаны не только с изменением мировой экономической конъюнк-

туры, но и с региональными экологическими кризисами. Одной из наиболее острых проблем стала перспектива строительства Монголией каскада ГЭС на притоках реки Селенга, питающей озеро Байкал. Возрастающая потребность этой страны в электроэнергии продиктована её ролью в мировой экономике как регионального лидера горнодобывающей промышленности. При этом развитие гидроэнергетики может привести к разрушению геосистемы Байкала. Русло реки Селенга находится на территории и Российской Федерации, и Монголии, при этом большая часть – 66,9% – в Монголии, где формируется около половины её стока.

Проблема соперничества за водные ресурсы в данном исследовании рассматривается в контексте «борьбы за советское наследство» в Азии. После роспуска Восточного блока и распада СССР начал меняться установленный и регулирующий международными соглашениями порядок контроля над водными ресурсами. Участниками конфронтации стали не только Россия и Монголия, но и международные финансовые институты, а также транснациональные корпорации. Основная гипотеза исследования – предположение о том, что в 2010-е годы в изучаемом регионе складывается новый региональный политический порядок. Формируется новая нормативная система, которая в перспективе будет легитимизировать претензии того или иного государства на выгодный для него объём потребления пресной воды. Знаковым событием, предопределившим создание новых региональных правил, является принятие 28 июля 2010 года Генеральной ассамблеей ООН резолюции 64/292. Она признала право человека на безопасную и чистую воду и её значение для полноценной жизни и полного осуществления всех прав человека. В 2011 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил: «Дефицит воды и продовольствия угрожает сотням миллионов людей во всём мире. Это подрывает сами основы стабильности на местном, национальном и глобальном уровнях. Нарастает конкуренция между общинами и странами за получение доступа к имеющимся скудным ресурсам, в первую очередь водным, что усугубляет давние про-

блемы в области безопасности и порождает новые»².

Изучаемое нами противостояние по поводу гидроресурсов тесно связано с вопросом безопасности бассейна Байкала, являющегося крупнейшим пресноводным озером в мире. В современных условиях отношения по вопросу о трансграничных водах, регулируемые решениями ЮНЕСКО и российско-монгольскими договорами начала 1990-х годов, уходят в прошлое. Рост горнодобывающей промышленности в Монголии, критическое увеличение площади пустыни Гоби – всё это сформировало новые геополитические условия для разбалансирования установленной пропорции распределения пресной воды в регионе. Автор данной работы целенаправленно не включил в материалы исследования экологическую дискуссию, которая за несколько лет приобрела целый спектр противоречивых и взаимоисключающих суждений.

Политическим проблемам водных конфликтов посвящены работы У. Барнаби³, В. Белозёрова⁴, К. Боришполец⁵, В. Данилова-Данильяна⁶, С. Жильцова⁷,

² Вода / Сайт ООН. Mode of access: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/water/index.html>

³ Barnaby, W. Do Nations Go to War over Water? // *Nature*, 2009, Vol. 458, pp. 282-283.

⁴ Белозёров В.К. Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 150-160. [Belozyorov, V.K. Strasti po vode (Passion for Water) // *Rossiya v global'noj politike*, 2009, No. 3, pp. 150-160.]

⁵ Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 25-38. [Borishpolets, K.P. Vodno-energeticheskie problemy Central'noj Azii: vozmozhnye puti resheniya (Central Asian Hydropower Problems: Opportunities and Solutions) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, No. 3, pp. 25-38.]

⁶ Данилов-Данильян В.И. Глобальный водный кризис и роль России в его разрешении // Геополитические исследования. 2009. № 1. С. 54-68. [Danilov-Danil'yan, V.I. Global'nyj vodnyj krizis i rol' Rossii v ego razreshenii (Global Water Crisis and Role of Russia in Its Resolution) // *Geopoliticheskie issledovaniya*, 2009, No. 1, pp. 54-68.]

⁷ Жильцов С., Зон И. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. Т. 14. С. 49-61.

А. Куртова⁸, Н. Мирумаши⁹, Б. Моселло¹⁰, С. Пейруза¹¹, Н. Рогожиной¹², Дж. Старр¹³, Т. Цыреновой¹⁴.

Ключевым концептом представленного исследования является региональный политический порядок. В статье тестируется гипотеза о зависимости системы контроля над распределением водных ресурсов от существующего регионального порядка. Модель политического порядка в классических работах определяется ad hoc через политический беспорядок¹⁵. В изучаемом нами

контексте намерения строительства ГЭС и требования о перераспределении водных ресурсов выступают как форма политической неупорядоченности на фоне общего порядка периода советского доминирования в регионе. Мы, в свою очередь, рассматриваем региональный политический порядок как систему идей, в нашем случае, легитимизирующих право на ресурсы, а также неких институциональных возможностей и ограничений. Инструментально значимой для нас является опора на институциональную теорию политического порядка. Наиболее релевантной, на наш взгляд, является модель взаимодействия норм и идей, разработанная Р. Либерманом. Эта концепция была представлена в работе 2002 года «Идеи, институты и политический порядок: объясняя политические изменения»¹⁶. Наиболее значимым тезисом Либермана для нас является утверждение о том, что: «Идеи также могут распространяться постепенно по причине нарастающих внутренних проблем и несогласованности в существующем институциональном порядке»¹⁷. В рамках данной теоретической модели¹⁸ публичная политика рассматривается в весьма сложном многообразном измерении: «В более общем плане данный анализ показывает, что публичная политика наиболее полно понимается как результат политических конфликтов, в которых отдельные элементы национальной культуры и идеологические репертуары мобилизуются и принимаются в политику. Эта политическая борьба происходит в историческом и институциональном контекстах что определяет распределение

[Zhil'cov, S.; Zon, I. Bor'ba za vodu (Struggle for Water) // *Indeks bezopasnosti*, 2008, No. 3, pp. 49-61.]

⁸ Куртов А.А. Центральная Азия: водные артерии как новые узлы противоречий / Центральная Азия: проблемы и перспективы. Взгляд из России и Китая. М.: РИСИ, 2013. С. 155-199. [Kurtov, A.A. Central'naya Aziya: vodnye arterii kak novye uzly protivorechij (Central Asia: Water Arteries as New Knots of Contradictions) / Central'naya Aziya: problemy i perspektivy. Vzglyad iz Rossii i Kitaya. Moscow: RISI, 2013. Pp. 155-199.]

⁹ Mirumachi, N. *Transboundary Water Politics in the Developing World*. London: Routledge, 2015.

¹⁰ Mosello, B. Water in Central Asia: a Prospect of Conflict or Cooperation // *Journal of Public and International Affairs*, 2008, Vol. 19, pp. 151-174.

¹¹ Peyrouse, S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, Vol. 5. No. 2, pp. 131-148.

¹² Рогожина Н.Г. Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1. С. 44-54. [Rogozhina, N.G. Konfliktnyj potencial vodnyh resursov Central'noj Azii (Conflict Potential of Water Resources in Central Asia) // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2014. No. 1, pp. 44-54.]

¹³ Starr, J.R. Water Wars // *Foreign policy*, 1991, No. 82, pp. 17-36.

¹⁴ Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011. [Tsyrenova, T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti ohrany i ispol'zovaniya transgranichnyh vod (Cooperation of Russia and Mongolia in the Field of Protection and Use of Transboundary waters). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2011.]

¹⁵ Ebert, H.; Flesmes, D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*, 2018, No. 1, pp. 7-23.

¹⁶ Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, pp. 697-712.

¹⁷ Ibid. P. 708.

¹⁸ Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117-121. [Bel'kova, A.A. Istoricheskij institucionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyah (Historical Institutionalism – New Branch in Historical Researches) // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 7, pp. 117-121.]

и осуществление политической власти, а также форм выработки политики особенно путем ограничений политического поведения посредством правил, норм и организационных параметров»¹⁹. В нашем случае речь идёт об идеях энергетической автаркии и гидросуверенитета, которые получили широкое распространение в 2010-е годы в Монголии. Эти идеи сформировали определенные правила политической дискуссии вокруг проблемы ГЭС, в центре которой вопрос разграничения национальных интересов России и Монголии.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1920-2010-х годов. Именно в этот период началась масштабная межгосударственная дискуссия по вопросам контроля над водными ресурсами. Исторический обзор развития гидрополитики с 1920-х по 2000-е годы важен для фиксации динамики политического порядка и неупорядоченности в изучаемом регионе. Эмпирическая база исследования состоит из трёх типов источников: 1) межгосударственные нормативные документы, разграничивающие уровни контроля над водными ресурсами в регионе; 2) идеологические документы, обосновывающие концепцию водной и энергетической автаркии; 3) документы и высказывания, относящиеся к политическим решениям, касающимся распределения гидроресурсов во Внутренней Азии; 4) материалы региональных СМИ, освещающие гидрополитику в регионе за период с 2010-х по 2017 годы.

Истоки гидрополитики во Внутренней Азии

Гидрополитика в изучаемом нами регионе возникла в 1920-е годы. Под этим термином мы понимаем политику в области распределения и оптимального использования водных ресурсов. До этого времени ни для Российской империи, ни для Империи Цин, являвшихся ключевыми политическими игроками в регионе, вопрос о распределении пресной воды не был актуален. Это

было связано как с окраинным положением Внутренней Азии, так и с низкой плотностью его населения, а также с отсутствием интереса к крупными экономическим проектам на её территории. Ситуация радикально изменилась в 1920-е годы. В СССР это было время первых пятилеток, в МНР – периода некапиталистического развития. Именно тогда сложились идеологические основания взаимоотношений между государствами региона, а также были начаты крупные социалистические стройки²⁰. Советский Союз выступал как государство региональный гегемон, определявший формат идеологии, экономики и безопасности.

Идеологическое доминирование опиралось на систему взаимоотношений «старший брат» и «младший брат». Под «старшим братом» понимался советский народ, оказывавший масштабную экономическую и политическую помощь монгольскому народу в деле строительства социализма. Всё это подкреплялось тезисом В.И. Ленина о том, что: «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»²¹. В 1929 году между СССР и МНР был подписан «Договор о научных исследованиях», представлявший исключительные возможности советским учёным по изучению Монголии. Предполагалась организовать научные экспедиции по 11 направлениям исследований, включая геологию и экономическую географию. Советские учёные того времени подробно изучили Монголию, составили первые геологические карты и проекты освоения природных ресурсов. В начале 1930-х годов в СССР на фоне побед первой пятилетки возникла идея научной экспедиции, способной оценить перспективы строительства ГЭС на реке Селенга.

¹⁹ Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, p. 709.

²⁰ История Монголии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. [Istoriya Mongolii XX vek (History of Mongolia in XX century). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2007.]

²¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 41. – М.: Издательство политической литературы. С. 246. [Lenin, V.I. Polnoe sobranie sochinenij (Full Collection). Vol. 41. P. 246.]

Возник проект строительства двух каскадов на территории Бурятской АССР, то есть в непосредственной близости к границе Монголии. Исследования института Гидроэлектропроект, проведенные в 1934 году, открыли огромный потенциал реки Селенга и её притоков²². Однако было принято решение отказаться от масштабного строительства крупных ГЭС в этом регионе. Официальной причиной было указана его хозяйственная нецелесообразность ввиду сравнительно небольшого количества потенциальных потребителей.

Предполагалось, что строительство ГЭС на Селенге обеспечит электричеством Забайкалье, Монгольскую Народную Республику и часть тогда ещё независимой Тувинской Народной Республики. Однако на протяжении длительного времени препятствием для этого были геополитические угрозы. Первоначально свернуть глобальные инфраструктурные проекты в данном регионе СССР вынудила активизация Японии в Манчжурии, а также создание под японским протекторатом Мэнцзяна (Монгол-го) – монгольского квазигосударства во Внутренней Монголии. Победа на Халхин-Голе позволила временно остановить японскую экспансию в этом направлении. Однако начавшаяся Вторая мировая война отвлекла советское руководство от масштабных инициатив по преобразованию экономики МНР²³. Поражение Японии в 1945 году и провозглашение в 1949 году Китайской Народной Республики существенно изменили основы регионального

политического порядка. Последовавшее за этим ухудшение советско-китайских отношений в конце 1950-х годов привело к тому, что регион Внутренней Азии стал рассматриваться как предполагаемый театр боевых действий. Началась масштабная милитаризация этого региона, а вслед за этим и централизация стратегических ресурсов в СССР²⁴.

В 1965 году на территорию МНР была введена группировка советских войск, одновременно с этим началось масштабное строительство промышленных объектов с массовым привлечением советских специалистов. Набравшее высокие темпы при поддержке СССР активное индустриальное развитие МНР привело к удвоению объёмов потребления электроэнергии каждую пятилетку. В связи с этим в 1960-е годы проблема обеспечения Монголии электроэнергией вновь стала важной. С 1965 по 1974 год советские исследовательские экспедиции определили на реках Монголии 27 мест, пригодных для строения гидроэнергетических сооружений²⁵. Однако от идеи строительства ГЭС было решено отказаться, ввиду близости к границе, следовательно, опасности техногенной катастрофы в случае войны. Основные каскады, производившие энергию, были размещены на территории Иркутской области (Ангарский каскад ГЭС). Одной из причин такого выбора стало то, что Ангара является единственной рекой, не питающей Байкал, а вытекающей из него.

Важным политическим контекстом того времени было обсуждение проекта «поворота сибирских рек». Планировалось создание в Сибири мощного ресурсного центра, обеспечивающего водой и энергией Центральную Азию. Этот, так и несостоявшийся по политическим причинам проект, на протяжении двадцати лет оказывал влияние на процессы освоения природы. В таких

²² Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.), СПб.: Издательство “Нестор-История”, 2006. [Yusupova, T.I. Mongol'skaya komissiya Akademii nauk. Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti (1925-1953 gg.) (Mongolian Commission of the Academy of Sciences. History of Creation and Activity (1925-1953). SPb.: Izdatel'stvo “Nestor-Istoriya”, 2006.]

²³ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

²⁴ Ibid.

²⁵ Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html [Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html]

условиях на территории Бурятской АССР была построена Гусиноозёрская ГРЭС, работающая на местном угле и по сей день поставляющая электроэнергию в Монголию. Вырабатываемой электроэнергии хватало, чтобы обеспечить ею приграничные районы СССР и Монголию²⁶. За данными политическими решениями стояла достаточно стройная система правового регулирования доступа к пресной воде.

Режим распределения водных ресурсов в эпоху социализма

В данном разделе будет рассмотрен процесс формирования и формализации норм, регулирующих отношения в сфере гидрополитики в изучаемом регионе. Региональный порядок во Внутренней Азии на институциональном уровне в период социализма выстраивался на основе многомерной нормативной системы, основанной на идеологии и праве. Выделенная Р. Давидом социалистическая правовая семья характеризовалась набором значимых общеродовых черт: «Руководители социалистических стран видят цель в создании общества нового типа, в котором не будет государства и права. По этой причине единственным источником социалистического права является революционное творчество законодателя, которое выражает волю народа, руководимого коммунистической партией»²⁷. Формировалось единое нормативное пространство, регулировавшее межгосударственные отношения от Берлина до Улан-Батора. Это обеспечивало важное условие для более тесной экономической и политической интеграции. Закрываемые в то время межгосударствен-

ные договоры стран СЭВ содержали в себе категории «братского интернационального содружества». Обеспечивавшие региональный порядок институты по обе стороны российско-монгольской границы были схожи и синхронизированы.

Процесс институционализации в сфере гидрополитики во Внутренней Азии приходится на начало 1970-х годов. Мы можем выделить две причины, под влиянием которых он был инициирован:

1) развитие международного законодательства в области водного права;

2) строительство ГЭС на реке Ангара.

В 1972 году в РСФСР (на территории которой находилось озеро Байкал) был принят «Водный кодекс». Вслед за этим в 1974 году в Монгольской Народной Республике был принят закон «О воде». В 1974 году между МНР и СССР был заключён договор, регулирующий использование трансграничных вод. В 1977 году под эгидой ООН прошла первая конференция, посвященная водным ресурсам. ООН была принята резолюция, согласно которой: «...все люди планеты имеют право на достаточное количество чистой питьевой воды для удовлетворения своих личных потребностей»²⁸.

Формирование институтов, регулирующих распределение пресной воды во Внутренней Азии проходило на протяжении целого десятилетия. 9 декабря 1988 года в г. Улан-Баторе было подписано соглашение «О сотрудничестве в области водного хозяйства на пограничных водах». Оно регулировало пользование приграничных рек, включая подземные воды, которые пересекала советско-монгольская граница. Однако в данном документе упускалось из внимания использование притоков, питающих трансграничные воды. Порядок пользования этими ресурсами остался внутренней прерогативой каждого государства²⁹.

²⁶ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

²⁷ Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967. [David, R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* (Basic Law-System of Modernity). Moscow: Progress, 1967.]

²⁸ Вода / Сайт ООН. Mode of access: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/water/index.html>

²⁹ Советско-монгольские отношения. 1921-1974: Документы и материалы в 2-х томах. Том 2: 1941-1974: Часть II. М.: «Международные отношения»; Улаанбаатар: «Улсын хэвлэлийн газар», 1979. [Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921-1974: Dokumenty i materialy (Soviet-Mongolian relation. 1921-1974. Documents

Порядок распределения водных ресурсов эпохи социализма формировался в рамках системы отношений внутри т.н. «Восточного блока». Экономическая помощь, которую оказывали страны СЭВ Монголии снижала потребность в мобилизации региональных ресурсов. Плановая экономика того времени определяла границы и перспективы развития промышленности МНР практически без учёта мировой экономической конъюнктуры. Темпы развития водозатратной горнодобывающей промышленности в МНР, по сравнению с началом XXI века, были невелики. Сформированная система институтов достаточно эффективно регулировала отношения в сфере гидрополитики.

Водный режим и формирование новых институтов в переходный период

Уход Советского Союза из Монголии после демократической революции зимы 1989-1991 годов и последовавшая вслед за этим частичная деиндустриализация страны привели к сокращению потребления электроэнергии³⁰. При этом в политических условиях постсоциализма систематически предпринимались попытки сохранить некоторые значимые институциональные основы предыдущего периода. Особенно это касалось сотрудничества России и Монголии в сфере экспорта углеводородов и энергоресурсов, вырабатывавшихся приграничными ГЭС.

Формирование новых норм, регулирующих режим распределения воды, с одной стороны, опиралось на опыт предыдущего периода, с другой – было ориентировано на новации в международном праве. После распада СССР и СЭВ в странах бывшего социа-

листического лагеря начался процесс формирования законодательства нового типа. В 1992 году принимается новая конституция Монголии, основанная на принципах континентального права³¹. Для нашего исследования имеет значение одна её особенность: в статье 10 прописано, что Монголия соблюдает общепризнанные нормы международного права, в то же время в пункте 4 этой же статьи указано, что страна не соблюдает международные договоры, противоречащие национальной конституции³². Идея суверенитета монгольского народа стала основополагающим правовым принципом, в то время как остальные законы и международные договоры в иерархии норм были помещены ниже.

В 1995 году было заключено новое российско-монгольское соглашение, которое по сей день регулирует и регламентирует пользование трансграничными реками, однако, оно почти не затрагивает вопрос о многочисленных притоках реки Селенги. Этот договор определил основные правовые категории, которыми оперируют в настоящее время, в том числе в ходе дискуссий о ГЭС. Подписание соглашения 1995 года денонсировало договор между СССР и МНР о сотрудничестве в области водного хозяйства 1988 года и документ, регулировавший порядок использования и охраны бассейна реки Селенги от 1974 года. В связи с этим Великим Государственным Хуралом в 1995 году была принята вторая редакция закона Монголии «О воде». Подразумевалось, что в этой редакции закон отвечал новым политическим и экономическим реалиям в регионе³³. С этого момента из водного законодательства страны уходит лексика, харак-

and Materials). v 2-h tomah. Tom 2: 1941-1974: Chast' II. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya»; Ulaanbaatar: «Ulsyn hevlelijn gazar», 1979.]

³⁰ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

³¹ Amarsanaa, J. Constitutionalism and Constitutional Review in Mongolia. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.

³² Ibid. P. 94.

³³ Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011. [Tsyrenova, T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti ohrany i ispol'zovaniya transgranichnyh vod (Cooperation of Russia and Mongolia in the Field of Protection and Use of Transboundary waters). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2011.]

терная для социалистической правовой семьи. Формируется дискурс, определяющий значение и пределы национальных интересов Монголии.

Параллельно шёл процесс формирования международных норм, регулирующих межгосударственные отношения по поводу пресной воды во Внутренней Азии. Создававшиеся нормы должны были ещё более укрепить систему гидрополитики в регионе. В 1996 году при активной поддержке России озеро Байкал, было включено в список мирового наследия ЮНЕСКО. Этот статус должен был обеспечить экологическую безопасность озера на международном уровне. Большое внимание уделялось и поймам рек, впадающих в Байкал, число которых достигает 336³⁴. Соответственно, пользование и распределение пресной воды из трансграничных рек должно было проводиться с учётом обеспечения экологии озера. Статус Байкала как объекта мирового наследия должен был гарантировать для России стабильно высокий сток воды из всех питающих его рек.

Сегодня сформированные в 1990-е годы нормы оказывают непосредственное влияние на развитие гидрополитики в регионе. Споры вокруг права на воду сталкиваются с институциональными ограничителями, регулирующими пределы возможного обсуждения проблемы. Ситуация развивается по сценарию возникновения нового регионального порядка, в основе которого будут иные нормы, нежели те, что были сформированы на паритетной основе в 1990-е годы. В рамках этого нового порядка будет изменена модель распределения водных и энергетических ресурсов. На данный момент допустимо обсуждать лишь контуры возможного порядка и то, как он повлияет на решение сложившейся проблемы.

Водный вопрос и контуры нового регионального порядка

За первые два постсоветских десятилетия Монголия уверенно встраивалась в систему экономических отношений в Северо-Восточной Азии. В стране формировалась

новая экономическая система. Закрывались ставшие нерентабельными предприятия времён социализма и в то же время возникали новые хозяйствующие субъекты. В условиях экономических реформ уровень потребления электроэнергии 1989 года был достигнут в Монголии лишь в 2007 году³⁵. Происходившие в 1990-е – начале 2000-х годов изменения привели к окончательному демонтажу регионального политического порядка советского периода. В течение 2000-х годов Монголия заявила о своих амбициях державы-поставщика природных ресурсов. За короткий срок страна существенно увеличила экспорт медного концентрата, золота, угля и нефти. Это привлекло инвесторов из Европы, Азии и Америки. Масштабное иностранное экономическое присутствие в Монголии сформировало запрос на обеспечение крупных горнодобывающих проектов инфраструктурой³⁶. При участии инвесторов из КНР в стране строятся новые автодороги, а в перспективе ожидается введение в строй железнодорожной ветки. При финансовой поддержке из Японии был построен международный аэропорт. Региональная система экономических отношений, сформированная вокруг советско/российско-монгольской Улан-Баторской железной дороги, связанной Транссибом с портами Дальнего Востока, постепенно уходит в прошлое. К началу XXI века Монголия осталась потребителем лишь российских энергоресурсов, в том числе углеводородов (при наличии в стране 2 крупных месторождений нефти)³⁷.

Новые объёмы потребления ресурсов обусловили необходимость в пересмотре су-

³⁵ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // *Международные отношения*. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

³⁶ Blunt, P. Whose Resources Are They Anyway? 'Development Assistance' and Community Development Agreements in the Mongolian Mining Sector // *Progress in Development Studies*, 2014, No. 4, pp. 383-399.

³⁷ Ibid.

³⁴ Ibid.

ществовавших норм. Формирование новой системы отношений проходило под влиянием двух ключевых трендов: национализма и интеграции с бурно развивающимися азиатскими экономиками. К концу 2000-х годов в Монголии оформилась доктрина ресурсного национализма, а также стремление к энергетической автаркии.

До наступления 2010-х годов вопрос о переделе сфер влияния в системе распределения водных ресурсов практически не поднимался. В 2013 году при поддержке всемирного банка Монголия начала реализацию проекта MINIS (*Mining Infrastructure Investment Support*). Среди его ключевых задач строительство целого ряда ГЭС на притоках реки Селенги для поддержки добывающей отрасли. Руководитель проекта Д. Одхуу указал, что соглашение 1995 года регулирует вопрос лишь о Селенге, а не о её притоках. Но если учитывать притоки, то правила, установленные двумя сторонами, охватывают 80% рек Монголии. Межгосударственное соглашение указывает на необходимость двустороннего согласования в вопросах принятия решений только в случае хозяйственного использования трансграничных рек³⁸.

Проект MINIS предполагает строительство целого ряда ГЭС: наиболее крупными считаются проекты Орхонской, Шурэнской и Эгийн-Гольской ГЭС. Необходимость строительства ГЭС аргументируется потребностью восполнить дефицит электроэнергии и сформировать независимую национальную энергосистему³⁹. Политическое обоснование строительства гидросооружений, помимо экономических аргументов, содержит значительный контент националистических риторик. В частности, монгольский активист Цогт Сан, обращаясь к своим российским оппонентам, заявил: «Вы думаете, что монголы настолько глупы, что убивают свою

собственную житницу (долину реки Селенги – прим. А.М.)? Я так не думаю. Наш народ намного старше всех славянских наций, взятых вместе, потому что только нации, которые научились жить вместе с природой, могут выжить. Байкал является священным для всех монгольских народов. Как вы думаете, мы будем заботиться об этом озере меньше, чем вы, новички»⁴⁰? В 2016 году между Россией и Монголией был заключён «меморандум о взаимопонимании по ГЭС на реке Эгийн-Гол». В рамках этого документа отмечалось, что российская сторона принимает к сведению заявление проектного руководства ГЭС о том, что строительство не требует согласования с РФ. Российское посольство в Монголии высказало категорическое несогласие с возведением каскада ГЭС без предварительной экспертизы российскими учёными, соответствующий запрос был направлен в ЮНЕСКО. Однако руководитель проекта ГЭС Д. Одхуу заявил: «Теперь у Монголии нет никаких барьеров продолжать строительство Эгийн-Гольской ГЭС»⁴¹.

В 2017 году 41-я сессия комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО приняла резолюцию о необходимости проведения совместной российско-монгольской трансграничной стратегической экологической оценки для любых проектов в области гидроэнергетики и использования водных ресурсов, которые могут оказать потенциальное воздействие на озеро Байкал. В решении особо подчёркивалось, что стратегическая оценка должна предшествовать и служить ориентиром для более детальных оценок воздействия на окружающую среду любых конкретных проектов в области гидроэ-

³⁸ Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html [Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html]

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Friends Of Russia's Lake Baikal Mark Small Victory Over Dam Project, Vow To Fight On / Radio Liberty. Mode of access: <https://www.rferl.org/a/russia-mongolia-baikal-dam-project-activists-environment-/28804304.html>

⁴¹ Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html [Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html]

нергетики и инфраструктуры⁴². В сентябре 2017 года были отменены тендеры на разработку технико-экономического обоснования проектов гидроузлов на притоках реки Селенга.

После резолюции ЮНЕСКО дискуссия о строительстве ГЭС сконцентрировалась на обсуждении проблемы расширения пустыни Гоби, и на проекте так называемой «зеленой стены», которая должна остановить опустынивание пастбищ Монголии. Для создания подобной «зеленой стены» также требуется масштабные затраты пресной воды. Основным источником обеспечения водой указанного зеленого пояса было предложено использовать водозаборы планируемых ГЭС. Однако после решительных протестов со стороны России и КНР данный проект был «заморожен».

В 2017 году политическое руководство РФ предложило увеличить масштаб поставок электроэнергии в Монголию по сниженной цене, за счёт строительства дополнительных ЛЭП и увеличения объёмов экспорта энергоресурсов из Иркутской области. Эти меры должны были сохранить водный баланс в регионе на прежнем уровне. Кроме того, такое решение предполагало сохранение status quo для позиций России во Внутренней Азии в целом. Но после победы в 2017 году на президентских выборах в Монголии Х. Баттулга возникла новая парадигма монгольской региональной политики. Ориентация на встраивание страны в масштабные инфраструктурные проекты суперсетей России и КНР привела к снижению накала вокруг проблемы ГЭС. Фактически в 2018 году этот вопрос исчез из политической повестки. В своём выступлении на IV Восточном экономическом форуме Х. Баттулга отметил: «Монголия, как страна с обширной территорией, может помочь снизить нагрузку в часы пик в Японии и Корее с её выработкой энергии из солнечных и ветровых источников за счёт использования сезонных и временных разниц, а также резервных ис-

точников энергии. Использование возобновляемых источников энергии, безусловно, будет приветствоваться потребителями во всех странах. Поэтому необходимо создать организацию с соответствующим участием Монголии, России, Китая, Японии, Южной и Северной Кореи, шесть стран, которые разделяют обязанности по успешному осуществлению проекта “Северо-азиатская суперсеть”. Организация должна сформулировать всеобъемлющую политику, объединив все предыдущие исследовательские работы для проекта и подготовив соответствующие соглашения и переговоры»⁴³.

Идея альтернативной энергетики, а также существенное снижение цен на российские энергоносители выдвинули на первый план другие задачи. Как отмечает американский эксперт А. Кэмп: «Россия ежегодно поставляет Монголии 25% электроэнергии (140-150 миллионов киловатт-часов). При этом за первые девять месяцев 2017 года поставки увеличились на 21,2% до 288 000 мегаватт-часов. В ответ на монгольские планы по строительству трёх ГЭС вдоль реки Селенги мощностью 315 мегаватт, 245 мегаватт и 100 мегаватт, в начале 2018 года Москва разработала предложение о более дешёвом решении проблемы, которое увеличило бы поставки электроэнергии из существующих ГЭС в Восточной Сибири. Новое соглашение включает долгосрочный контракт на увеличение объёмов по тарифу в 3,5 раза ниже ожидаемой цены на гидроэнергетику. Российский оператор электросетевой компании Россети предложил пятисот киловольтный трансграничный энергетический канал стоимостью 55 млрд рублей (972 млн долларов США), финансируя проект совместно с Россией, Монголией и Китаем. В настоящее время дочерняя компания Россети – оператор системы передачи Federal Grid Company – готовит

⁴² Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

⁴³ Попов А. Монголия, Китай и Россия: сетевое ускорение без монгольских ГЭС? // Плотина. Нет! Mode of access: <http://www.plotina.net/setevoe-uskorenie/> [Popov, A. Mongoliya, Kitaj i Rossiya: setevoe uskorenie bez mongol'skih GES? (Mongolia, China and Russia: Network Acceleration without Mongolian Hydropower Plants?) / Plotina. Net! Mode of access: <http://www.plotina.net/setevoe-uskorenie/>]

предварительное технико-экономическое обоснование, которое будет опубликовано в этом году»⁴⁴. Однако прямая зависимость монгольских гидропроектов от политических процессов даёт основания считать, что в краткосрочной перспективе возможна активизация дискуссии вокруг проблемы трансграничных вод уже в контексте решения проблемы масштабного опустынивания в стране.

* * *

Вопрос о водных ресурсах, возникший во Внутренней Азии в начале XXI века, в перспективе может быть поднят ещё не единожды. Дело в том, что в регионах, территориально граничащих с большими пустынями, проблема водоснабжения всегда была очень острой. В условиях масштабно развивающейся горнодобывающей отрасли Монголии может быть два её решения. Первое – монополизировать доступ и поставить под контроль имеющиеся реки и их притоки. Второе – включиться в региональные макропроекты, инициированные Россией и Китаем, и получить доступ к их ресурсам по демпинговой цене. Эти решения формируют дилемму выбора между политической и экономической рациональностью, между экономической автаркией и региональной интеграцией. На современном этапе гидроконфликт удалось остановить благодаря целому комплексу внешнеполитических решений, инициированных из России. Однако в 2019 году в Монголии предпринималось несколько попыток вернуться к реализации проектов ГЭС.

Институциональный анализ, проведённый в ходе исследования свидетельствует о том, что норма и модели её интерпретации находятся в прямой зависимости от целого ряда факторов. Идеи, ценности, а также инфраструктурные макропроекты влияют как на представление о политическом миропорядке, так и на уровень потребления природных ресурсов. Право на воду и связан-

ная с ним проблема легитимности системы контроля над водными ресурсами – это два наиболее динамично меняющихся фактора. Находясь в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в отдельно взятой стране, они могут быть оспорены или пересмотрены в одностороннем порядке.

На современном этапе модель национальных интересов и примата национального права над международным оказалась успешно сбалансированной благодаря идее макрорегионального развития. Эта идея привела к снижению приоритета национальных задач перед региональными под гарантии будущих выгод от реализации проекта азиатских суперсетей. В результате этого контуры будущего регионального порядка стали более определённым, вслед за этим наметились перспективы для окончательного решения водного кризиса.

Литература:

- Баабар Б.* О бедности в Монголии / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/articles/7106/>
- Белозёров В.К.* Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 150-160.
- Белькова А.А.* Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117-121.
- Боршполец К.П.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 25-38.
- Вознесенский А.И.* Энергетические ресурсы реки Селенги // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск, 1934, 11 декабря.
- Галданова Ж.* Китай отказал Монголии в гидроэнергетическом кредите, беспокоясь о России / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/12957/>
- Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967.
- Данилов-Данильян В.И.* Глобальный водный кризис и роль России в его разрешении // Геополитические исследования. 2009. № 1. С. 54-68.
- Жильцов С., Зон И.* Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. Т. 14. С. 49-61.
- История Монголии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
- Куртов А.А.* Центральная Азия: водные артерии как новые узлы противоречий / Центральная Азия: проблемы и перспективы. Взгляд из России и Китая. М.: РИСИ, 2013. С. 155-199.
- Межправительственные соглашения по трансграничным водам, заключённые государствами Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (ВЕКЦА). Ташкент: МКВК, 2008.
- Михалев А.В.* Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320.

⁴⁴ Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html

Рогожина Н.Г. Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1. С. 44-54.

Советско-монгольские отношения. 1921-1974: Документы и материалы в 2-х томах. Том 2: 1941-1974: Часть II. М.: «Международные отношения»; Улаанбаатар: «Улсын хэвлэлийн газар», 1979.

Сосорбарам М. В Монголии стартует строительство турецкой ГЭС / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/11875/>

Сосорбарам М. Медведь и Элбэгдорж начали переговоры с вопроса о Байкале / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/13007/>

Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.), СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006.

Amarsanaa, J. Constitutionalism and Constitutional Review in Mongolia. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.

Barnaby, W. Do Nations Go to War over Water? // Nature, 2009, Vol. 458, pp. 282-283.

Blunt, P. Whose Resources Are They Anyway? 'Development Assistance' and Community Development Agreements in the Mongolian Mining Sector // *Progress in Development Studies*, 2014, No. 4, pp. 383-399.

Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

Demand in the Desert: Mongolia's Water-Energy-Mining Nexus. NY: Asian Development Bank, 2014.

Ebert, H.; Flandes, D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*, 2018, No. 1, pp. 7-23.

Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, pp. 697-712.

Mirumachi, N. Transboundary Water Politics in the Developing World. London: Routledge, 2015.

Mosello, B. Water in Central Asia: a Prospect of Conflict or Cooperation // *Journal of Public and International Affairs*, 2008, Vol. 19, pp. 151-174.

Peyrouse, S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, Vol. 5. No. 2, pp. 131-148.

Starr, J.R. Water Wars // *Foreign policy*, 1991, No. 82, pp. 17-36.

References:

Amarsanaa, J. Constitutionalism and Constitutional Review in Mongolia. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.

Baabar, B. O bednosti v Mongolii (About Poverty in Mongolia) / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/articles/7106/>

Barnaby, W. Do Nations Go to War over Water? // Nature, 2009, Vol. 458, pp. 282-283.

Bel'kova, A.A. Istoricheskij institucionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyah (Historical Institutionalism – New Branch in Historical Researches) // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 7, pp. 117-121.

Belozorov, V.K. Strasti po vode (Passion for Water) // *Rossiya v global'noj politike*, 2009, No. 3, pp. 150-160.

Blunt, P. Whose Resources Are They Anyway? 'Development Assistance' and Community Development Agreements in the Mongolian Mining Sector // *Progress in Development Studies*, 2014, No. 4, pp. 383-399.

Borishpolets, K.P. Vodno-energeticheskie problemy Central'noj Azii: vozmozhnye puti resheniya (Central Asian Hydropower Problems: Opportunities and Solutions) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, No. 3, pp. 25-38.

Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

Danilov-Danil'yan, V.I. Global'nyj vodnyj krizis i rol' Rossii v ego razreshenii (Global Water Crisis and Role of Russia in Its Resolution) // *Geopoliticheskie issledovaniya*, 2009, No. 1, pp. 54-68.

David, R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (Basic Law-System of Modernity). Moscow: Progress, 1967.

Demand in the Desert: Mongolia's Water-Energy-Mining Nexus. NY: Asian Development Bank, 2014.

Ebert, H.; Flandes, D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*, 2018, No. 1, pp. 7-23.

Galdanova, Zh. Kitaj otkazal Mongolii v gidroenergeticheskom kredite, bespokoyas' o Rossii (China Denied Mongolia a Hydropower Loan, Worrying about Russia) / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/12957/>

Istoriya Mongolii XX vek (History of Mongolia in XX century). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2007.

Kurtov, A.A. Central'naya Aziya: vodnye arterii kak novye uzly protivorechij (Central Asia: Water Arteries as New Knots of Contradictions) / Central'naya Aziya: problemy i perspektivy. Vzgljad iz Rossii i Kitaya. Moscow: RISI, 2013. Pp. 155-199.

Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, pp. 697-712.

Mezhpravitel'stvennyesoglasheniya potransgranichnym vodam, zaklyuchennye gosudarstvami Vostochnoj Evropy, Kavkaza i Central'noj Azii (VEKCA) (Intergovernmental Agreements on Transboundary Waters Concluded by the States of Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia). Tashkent: MKVK, 2008.

Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.

Mirumachi, N. Transboundary Water Politics in the Developing World. London: Routledge, 2015.

Mosello, B. Water in Central Asia: a Prospect of Conflict or Cooperation // *Journal of Public and International Affairs*, 2008, Vol. 19, pp. 151-174.

Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yū (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html

Peyrouse, S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, Vol. 5. No. 2, pp. 131-148.

Rogozhina, N.G. Konfliktnyj potencial vodnyh resursov Central'noj Azii (Conflict Potential of Water Resources in Central Asia) // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2014. No. 1, pp. 44-54.

Sosorbaram, M. Medvedev i Elbegdorzh nachali peregovory s voprosa o Bajkale (Medvedev and Elbegdorzh Began Negotiations with the Issue of Lake Baikal) // ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/13007/>

Sosorbaram, M. V Mongolii startuet stroitel'stvo tureckoj GES (Mongolia Starting Build Turkish Hydro Plant) // ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/11875/>

Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921-1974: Dokumenty i materialy (Soviet-Mongolian relation. 1921-1974. Documents and Materials). v 2-h tomah. Tom 2: 1941-1974: Chast' II. Moscow: «Mezhdunarodnye

otnosheniya»; Ulaanbaatar: «Ulsyn hevlelijn gazar», 1979.
Starr, J.R. *Water Wars // Foreign policy*, 1991, No. 82, pp. 17-36.

Tsyrenova, T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti ohrany i ispol'zovaniya transgranichnyh vod (Cooperation of Russia and Mongolia in the Field of Protection and Use of Transboundary waters). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BГУ, 2011.

Voznesenskij, A.I. Energeticheskie resursy reki Selengi (Power Sources of Selenga) / Buryat-Mongol'skaya pravda. Verhneudinsk. 1934. 11 dekabrya

Yusupova, T.I. Mongol'skaya komissiya Akademii nauk. Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti (1925-1953 gg.) (Mongolian Commission of the Academy of Sciences. History of Creation and Activity (1925-1953). SPb.: Izdatel'stvo "Nestor-Istoriya", 2006.

Zhil'cov, S.; Zon, I. Bor'ba za vodu (Struggle for Water) // *Indeks bezopasnosti*, 2008, No. 3, pp. 49-61.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10048

REGIONAL ORDER AND TRANSFORMATION OF WATER REGIME IN CONTEMPORARY INNER ASIA

Alexey V. Mikhalev

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 07.07.2019 <i>Accepted:</i> 12.10.2019</p>	<p>Abstract: This paper is a study of water-sharing disputes in Inner Asia. The focal point is the issue of fresh water-sharing in the conditions of regional post-Soviet political order. The article is an attempt to verify a hypothesis: is there a correlation between hydro power control system and regional political order? We study the relations between Russia, China, and Mongolia that deal with transboundary rivers which flow into Lake Baikal. This lake is the world's biggest fresh-water lake and is under protection by the UNESCO. The proposed paper is centered around the idea that institutional conditions influence the legitimization of rights on hydro reserves. The research is based on the methods of neo-institutionalism which is used to study the regional political order. The empirical basis of the paper is made up of legal acts on the distribution of transboundary waters, speeches of Russian and Mongolian statesmen, official statistical data, ecological monitoring data, and regional mass-media data. Our basic conclusion: the processes undergoing in Inner Asia could lead to a new political order in the foreseeable future. The ideas, values, and infrastructural macro-projects can change both the balance of power in the region and the level of water consumption. The arising ecological problems therefore become politicized.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with the support of the RFBR and ANO EISI within the framework of the scientific project No. 19-011-31130 "Russian Frontier of Inner Asia: Old Borders, New Contradictions".</p>
<p>About the author: Dr. of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, BSU e-mail: mihalew80@mail.ru</p>	
<p>Key words: hydro-conflicts; Inner Asia; institutes; political order; border; power; regional order</p>	

Для цитирования: Михалев А.В. Региональный порядок и трансформация трансграничного водного режима в современной Внутренней Азии // *Сравнительная политология*. – 2019. № 4 – С. 155-167.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10048

For citation: Mikhalev, Alexey V. Regional'nyy poryadok i transformatsiya transgranichnogo vodnogo rezhima v sovremennoy Vnutrenney Azii (Regional Order and Transformation of Water Regime in Contemporary Inner Asia) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 155-167.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10048